

Тагир
Нурмухаметов

СЕСТРЁНКИ и прочие

О тех,
кто вплетает
свою судьбу
в нашу жизнь

Рассказы Рунета

Тагир Нурмухаметов

**Сестрёнки и прочие. О
тех, кто вплетает свою
судьбу в нашу жизнь**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нурмухаметов Т.

Сестрёнки и прочие. О тех, кто вплетает свою судьбу в нашу жизнь
/ Т. Нурмухаметов — «Издательство АСТ», 2023 — (Рассказы
Рунета)

ISBN 978-5-17-155523-8

Тагир Нурмухаметов – российский писатель, прозаик, один из авторов, публикующих свои рассказы на Дзен-канале Animals с аудиторией более 160 тыс. подписчиков. Отличительной чертой историй Тагира Нурмухаметова является наличие в каждом сюжете героя-котика, который окутывает своего хозяина любовью и помогает во всех трудностях. «Сестрёнки и прочие. О тех, кто вплетает свою судьбу в нашу жизнь» – это циклы рассказов, повествующие о неразрывной связи человека и его преданного друга – кошки. В книге собраны истории о совместном житье-бытье людей и их четвероногих соседей по планете. Вы узнаете, как двум бездомным котикам удалось спасти мужчину, внося любовь и радость в его жизнь, прочитаете историю о героизме и дружбе сквозь года, а также познакомитесь с мамой-кошкой, подарившей своему юному хозяину веру в добро и чудо.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155523-8

© Нурмухаметов Т., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Об авторе и его героях	6
Сестрёнки	7
Жить дальше...	7
Естественный отбор. Хозяин	10
Естественный отбор. Люся	13
Естественный отбор. Сестрёнки	16
Новые друзья	18
Второе пришествие	21
Круг любящих сердец	24
Мотя	27
В сто раз вкусней!	30
Летние проказы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Тагир Нурмухаметов
Сестрёнки и прочие. О тех, кто
вплетает свою судьбу в нашу жизнь

© Нурмухаметов Т., текст

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Об авторе и его героях

В литературу люди приходят по-разному. Пути Господни тут неисповедимы вдвойне. Кто-то видит в писательстве своё предназначение, а кто-то до поры до времени даже не думает об этом.

Вот и Тагир Нурмухаметов стать писателем, как говорится, с детства, не мечтал. Родился в СССР, в небольшом городе Троицке, что после распада Союза оказался на границе с Казахстаном. Там и живёт – прямо по пословице «Где родился – там и пригодился». Получил добротное инженерное образование в Челябинском политехническом институте, работает на Троицкой ГРЭС (в системе ОГК-2) начальником лаборатории металлов и сварки. В молодости увлекался самодеятельной песней: такое уж это поколение – бардовское, на Галиче и Высоцком взрослевшее и мужавшее. До сих пор песни иногда пишет.

А примерно с год назад попробовал «прикоснуться» к прозе: ведь во многих из нас по мере взросления просыпается потребность поделиться накопленным и осмысленным жизненным опытом с окружающим миром.

Получается это, правда, не у всех, но у Тагира получилось сразу и «на ура». На скромного автора рассказов обратил внимание один из редакторов интернет-платформы «Дзен», опубликовал несколько произведений подряд на достаточно раскрученном канале. И волна читательского восхищения быстро выросла в цунами. «Тагир, спасибо за очередную великолепно поданную историю о доброте, взаимных сострадания и сочувствии людей и их домашних питомцев! Вы словно идёте вверх по лестнице: от рассказа к рассказу – всё сильнее и сильнее впечатление, всё больше восторг!» – таких комментариев под каждой публикацией собирался не один десяток. А ведь народ у нас в России искушённый, воспитанный на хорошей литературе, с безошибочной чуйкой на искренность и талант.

Ярким маркером таланта явилось и то, что автор смутился в ответ на поток вполне заслуженных комплиментов, не поверил первым нотам «медных труб» успеха: «Считаю, что читатели отнеслись к моим рассказам излишне благожелательно. Знаю, что необходимо работать и работать над текстами, шлифовать их, доводить до совершенства...». И писатель неустанно следует своему правилу.

Стартовой ступенью лестницы литературного труда стал для Тагира Нурмухаметова цикл рассказов «Сестрёнки» – о том, как находившийся на пределе жизненных сил человек спас от неминуемой гибели двух помоечных котят. А они спасли его – и тоже от беды, которая казалась неотвратимой. Произносишь мысленно: «Сестрёнки...» – и сразу ассоциация: «Братья наши меньшие...»

Так и повелось: героями всё новых и новых рассказов – психологических, всегда лиричных, порой весёлых, чаще печальных, но всегда просто жизненных – становились люди. Разного возраста, профессий, социального статуса, непременно находящиеся в состоянии внутреннего надлома, стоящие перед необходимостью сделать выбор, которые предопределят их дальнейшую жизнь. А рядом с людьми всегда оказывались кошки, помогавшие развернуть колесо человеческой судьбы в нужном направлении. Те самые загадочные «инопланетяне» нашего мира, которые, в отличие от собак, никогда не служат хозяину, но столь же верно берегут и утешают его.

С каждым рассказом в мире становилось чуть больше Доброты.

О высшей доброте живых существ друг к другу и расскажет эта замечательная книга.

Татьяна Дугиль

Сестрёнки

Жить дальше...

Непрощенное сознание стукнулось о стенку черепа изнутри. Раз, другой... И застучало непрестанно в ритме бьющегося ещё сердца. «Всё? Это всё? – пронеслось в голове. Сколько я был в отключке? Часа три-четыре? Мало. С каждым разом все меньше и меньше».

Он почти не ощущал своего тела. Чувствовал скомканное одеяло под левым боком, а тела не чувствовал. Надо обмануть сознание. Главное – не шевелиться, и тогда есть возможность вновь провалиться в небытие, где нет желаний, изматывающей тоски и воспоминаний...

Обмануть сознание не получилось. С каждым ударом сердца тело обретало тяжесть, а всего тяжелей была голова. Самое страшное было то, что он вновь обретал способность думать. Думать ему хотелось меньше всего, но мысли и воспоминания вопреки его желанию впивались в мозг, тупыми иглами впивались в виски. Всё явственней вспоминался стук мокрых комьев земли о крышку. Вновь он видел рыдающих женщин, угрюмых мужчин и суетливых работников похоронного агентства, спешащих закончить работу. И моросящий дождь...

Тогда он не позволил себе расслабиться. Словно окаменев, слушал соболезнования, поминальные речи своих друзей и подруг. Её подруг. Уже в конце поминок он осознал: Её больше нет. Он – есть, её подруги – есть, а Её – нет! И уже не будет никогда!

В тот вечер он сорвался. Один. В пустой квартире, где больше нет и не будет Её. Глядя на семейную фотографию, где он, Она и сын. Сын так и не пришёл проститься с Ней. Бог ему судья.

Хмель долго не брал его, но потом овладел каждой клеточкой страдающего тела. Надолго. До сегодняшнего дня. Или ночи? День сейчас или ночь? Надо открыть глаза, чтобы понять.

Был вечер. Он добрёл до кухни, спотыкаясь о пустые бутылки, открыл кран и долго пил холодную, отдающую хлоркой воду. Залезть в ванну или не стоит? Зачем в ванну? Чтобы стало легче. А надо, чтобы было легче? Нет. Надо забыться. А для этого нужна не ванна, а водка. Прозрачная жидкость, раствор этилового спирта, отравляющая мозг и тело, но дающая забыть. Убивающая организм, но дарующая освобождение от страданий.

Поплескав водой на лицо, покрытое неряшливой щетиной, он наскоро собрался, надел куртку, нащупал в кармане две купюры. Двести рублей. Всего-то. Но на сегодня хватит, а про «завтра» буду думать завтра.

Нетвёрдой походкой он спустился по лестнице и двинулся к расположенному в соседнем доме магазину. Не обходя луж, шлёпал по ним, забрызгивая джинсы и пропитывая водой и мокрым снегом обувь. На осеннем ветру голова немного прояснела, и он снизошел до разговора. С самим собой.

– Тебе обязательно надо выпить? – спрашивал он.

«Да. Без этого я вновь буду плакать в одиночестве и вспоминать Её».

– А ты не хочешь плакать и вспоминать Её?

«Хочу. Я всегда плачу и вспоминаю Её, когда один. Даже когда выпью».

– Так, может, лучше это делать без водки?

Он остановился, раздумывая над сказанным.

«Не знаю. Не пробовал. С того самого вечера – не пробовал».

– А, может, стоит попробовать?

«Не вижу смысла. Так я быстрее уйду вслед за Ней».

– Но ведь есть много способов уйти. Твоя квартира – на двенадцатом этаже. Вот он, способ. Или вон стоят тёмные личности. Подойди, затей драку и считай, что дело сделано. Так даже лучше.

«Возможно, я так и сделаю, но не сегодня...»

Возвращаясь назад, он всё же обошел мутную компанию, инстинктивно осознавая исходящую от неё опасность. Проходя мимо мусорных баков, он неловко поскользнулся. Купленная бутылка, выскользнув из рук, со звоном разбилась о бетон. От мусорных баков врассыпную кинулась свора собак, повизгивая от неожиданности.

– Чем хуже, тем лучше, – усмехнулся он.

Апатия, владевшая им, не позволила даже огорчиться. Он подобрал крупные осколки стекла и подошёл к бакам, чтобы выбросить их. Краем глаза заметил шевеление в просвете между баками. Наклонившись, он заглянул туда. Два маленьких котёнка, дрожа то ли от страха, то ли от холода, смотрели на него округлившимися глазами. Не раздумывая, он выгреб их из щели и сунул себе за пазуху.

– Вот чего тут псы крутились! – догадался он. – Охота близилась к концу. Но сорвалась! Не волнуйтесь, малыши, сегодня мы ещё живём, а завтра – будет видно.

Котят бродили по квартире меж пустых бутылок и пищали. Согрешившись у горячего радиатора, они требовали кушать. Но в холодильнике было пусто. Пошарив по карманам, он убедился, что деньги были последними. Теперь все чувства, жившие в нем, неожиданно трансформировались в заботу о малышах, но даже покормить их он не имел возможности.

Решившись, он вышел на лестничную площадку и позвонил в соседнюю квартиру. Дверь открыла пожилая женщина и, увидев его, горестно покачала головой.

– Матвеевна, займи рублей пятьдесят. Молочка надо купить, – пряча глаза, произнёс он.

– От бешеной коровы, что ли, молочко? – соседка недоверчиво оглядела его.

– Нет. Котят там, кушать хотят, а у меня – ничего...

Матвеевна, так же недоверчиво смотря на него, прошла по площадке и, открыв дверь, заглянула в его квартиру. На пороге сидели два хвостика. Умильно глянув на женщину, они синхронно мяукнули.

– Ах, ты ж, Господи! – улыбнулась она. – Сейчас вынесу молочка. У меня есть.

Сытые и согрешившиеся котят, оказавшиеся девочками, провели ночь в блаженном сне. Он не спал. Организм, отравленный многодневным запоем, с трудом освобождался от алкогольного яда. Пересиливая себя, он раз за разом принимал контрастный душ. Забылся беспокойным сном лишь под утро.

Пробуждение было безрадостным. Вновь навалились воспоминания, и первое желание было – выпить, чтобы забыться. Что-то мягкое тёрлось о лицо, щекотало отросшую щетину. Он открыл глаза. Котят! Маленькие девчонки тёрлись о него мордашками и ласково мурлыкали. Непроизвольно он улыбнулся. Впервые за долгое время в груди разлились тепло и нежность. Сердце застучало ровней и уверенней.

Пару часов спустя он заканчивал уборку в доме. Через распахнутые настежь форточки выветривался спёртый воздух, с которым постепенно улетучивались отвратительное настроение и тяжесть в душе. Котят, напоенные остатками молочка, резвились, задрав тоненькие хвостики, и преследовали его, забираясь на колени всякий раз, когда он присаживался отдохнуть.

– Надо пробовать жить, ребятки, – убеждал он себя и малышей. – Жить дальше. Трудно, тяжело, но надо!

Котят были с ним абсолютно согласны.

С желанием жить появились и заботы. Первая – где найти средства на эту жизнь. Он всегда жил без сбережений, а остатки денег закончились вчера. На службе он не появлялся с того самого дня. Наверняка уволили... Можно продать машину, она до сих пор стоит на стоянке во дворе, но быстро сделать это не удастся.

Размышления прервал звонок телефона. Подняв трубку, он услышал голос своего начальника. А может, уже бывшего начальника...

– Живой? Слава Богу! – Слышно было, как тот облегчённо выдохнул. – Неделю не могу с тобой связаться – трубку не берёшь. Времени нет, у нас тут запарка. Так что слушай, повторять не буду. Я тебе оформил дни в счёт отпуска. Они заканчиваются завтра. Потом – выходные, и в понедельник ты должен быть на работе! – начальник помолчал. – Ты в порядке? Работать можешь?

– В порядке. Уже в порядке! – твёрдо ответил он.

– Зайди в бухгалтерию, получи отпускные, а не то их заморозят до зарплаты. Всё. До понедельника! – В трубке раздались короткие гудки.

Ещё какое-то время он сидел на стуле и не клал трубку. Котята, сидя у ног, хитро поглядывали на него, будто спрашивая: «Всё? Всё наладилось? Значит, будем жить дальше?» Он поднял их на руки, зарылся носом в тёплый мех и замер, понимая, что если бы не эти маленькие тёплые комочки, то всё могло бы закончиться. По-другому.

– Сестрёнки мои, сестрёнки, – повторял он.

И они, словно понимая его состояние, ласкались, успокаивая своим мурлыканьем...

Матвеевна встретила его на лестничной площадке, когда он возвращался из магазина с пакетами, заполненными продуктами, лакомствами и игрушками для котят, лотком, мисками и наполнителем. Выбритый до блеска, в аккуратной выглаженной одежде. Только изрядно похудевший и поседевший.

– Прошёл морок, сосед? – строго, по-матерински поинтересовалась она.

– Прошёл, Матвеевна, прошёл, – признался он.

– Ну и слава Богу! – перекрестила она его. – Мужиком был, мужиком и оставайся, не раскисай больше, а не то уважать перестану!

И соседка потопала к лифту.

Да. Надо жить дальше. Не теряя уважения людей и самого себя. Пусть не так счастливо, как прежде. С неистребимой тоской в сердце, но так, будто Она смотрит на тебя и оценивает твои поступки. С любимой работой, где его ждут. С проблемами, которые решить может только он. С малышками-Сестренками, которым нужны его ласка, внимание и тепло.

Надо жить...

Естественный отбор. Хозяин

Не спалось. Он повернулся на правый бок, к журнальному столику, стараясь не побеспокоить двух хвостатых Сестрёнок, сладко посапывающих на одеяле в ногах. В темноте нащупал мобильник и, включив его, взглянул на цифры часов. Было начало второго ночи. «Опять не выплюсь! – пронеслось в голове. – Тяжёлый будет день. Надо вздремнуть, хотя бы пару часов». Но дремотное состояние уже улетучилось и, судя по ощущениям, возвращаться не собиралось.

Стараясь не задеть Сестрёнок, он выпростал из-под одеяла ноги, всунул их в тапочки и двинулся на кухню, подсвечивая дорогу мобильником. Уткнувшись лбом в подмороженное стекло окна, постоял, прикрыв глаза. Окончательно решив не возвращаться в постель, включил на кухне свет и поставил на плиту чайник.

Метель на улице закончилась ещё днём, и на смену ей пришёл крепкий мороз. Градусник за окном показывал –27. Заварив пахучего кенийского чая, он закурил у окна, приоткрыв форточку. По ногам прокатилась волна свежего морозного воздуха. Налив горячего чая, он хотел присесть к столику, но оба стула уже были заняты Сестрёнками, сонно поглядывающими на него прищуренными глазами. Пришлось моститься на подоконнике, рядом с обжигающим голые ноги радиатором и охлаждающим бок воздухом из форточки.

– Не спится, Хозяин? – вопросительно мявкнула Младшая, потягиваясь на стуле и переворачиваясь на бочок.

– Тебя что-то беспокоит, – пристально глядя ему в глаза, муркнула Старшая и присела поудобнее. – Поделись, может, легче станет.

Он, одинокий, уже давно привык обсуждать с Сестрёнками проблемы, планы на будущее, делиться новостями и просто беседовать. Они, слушая его, смотрели в глаза и то отворачивали усаые мордочки в сторону: «Чушь несёшь, Хозяин!», – то, мурлыча, тёрлись о его ноги: «Одобр-р-ряем, Хозяин, всё пр-р-равильно!»

– Сегодня на улице мороз, – начал Хозяин издалека. – Хорошо тем, у кого есть тёплое жильё и мягкая постелька, а в мисках достаточно вкусного корма и свежей водички...

– Ну-ну, продолжай! – поощрили его хвостатые, взгляды их выражали полное согласие.

– ...А есть такие, у кого этого нет и взять негде. По дороге на службу я заезжаю в один двор, чтобы забрать коллегу, с которым вместе работаю. В его многоэтажке есть окошечко в подвал, из которого всегда выглядывают замурзанные мордочки ваших соплеменников. Пять или шесть котеек живут там и питаются только тем, что принесут им добрые люди.

– Ты ведь тоже подкармливаешь их? Мы видели, как ты вываливаешь остатки нашего корма в мешочек. Это ведь не для того, чтобы выкинуть его в мусорку?

– Да. Вы у меня капризные девочки, привыкли кушать только свежее. А они всегда ждут меня, выбегают, видя мою машину, и набрасываются на угощение. Но сейчас стоят такие морозы, что они даже не успевают доесть, как корм замерзает...

Кошки молчали. Хозяин отхлебнул из кружки и затянулся сигаретой.

– А недели две назад к ним прибилась котёнок, ему от силы месяца два. Девочка, как и вы. Я зову её Люсей, и она уже привыкла к своему имени, бежит ко мне, когда позову. Я кормлю её отдельно, иначе взрослые коты всё отбирают, а то и поддают ей по заливку. Сегодня вечером, когда я привёз товарища домой, ещё раз угостил хвостатых, но она не вышла, хотя я слышал её писк в подвале. Может быть, она болеет – простыла, что и не мудрено в такие морозы... – Он вздохнул и ещё раз глубоко затянулся сигаретой. – Если действительно простыла, то она обречена: без тепла, хорошего питания и лечения ей не выздороветь. Переживёт она эту ночь или...

– Бросил бы ты курить, – проворчала Младшая, – поберёт бы здоровье! Не мальчик ведь уже...

– Не заморачивайся, Хозяин. Это естественный отбор. Помнишь, ты читал нам об этом? Выживут только те, кто... ну, сможет выжить... – Старшая зевнула и отвела глаза.

– «Естественный», говорите? – Хозяин задумчиво смотрел на них и прокручивал в голове какую-то мысль. – Что естественного в том, чтобы выбросить на мороз маленькое, беззащитное существо? Естественно ли обрекать его на голодное существование, постоянный холод, отсутствие заботы, болезни и неминуемую гибель? Естественно ли пнуть голодного кота, подошедшего к тебе с единственной целью – попросить что-нибудь покушать, или выгнать измученную невзгодами, бездомную кошку в морозный день из тёплого подъезда? Думаю, что тот, кто считает это «естественным», уже потерял человека в себе. Так что это не естественный отбор, а противоестественный. Так-то, хвостатые.

Теперь уже обе Сестрёнки прятали глаза. Они ещё помнили себя в такой же ситуации. Но месяцы сытой и спокойной жизни в тепле, рядом с Хозяином, притупили эти воспоминания, и только холодный воздух из открытой форточки, пронизывающий их до дрожи, сейчас напомнил им о былых временах.

– Да ладно тебе, Хозяин! – Младшая выгнула спину крутой дугой. – Мало тебе забот на работе?

– Пойдём лучше досыпать, часика три ещё есть, – Старшая зевнула, прикрыв от наслаждения глаза. – Заморозил кухню. А в постели тепло, уютно. Утром всё забудешь, и жизнь потечёт дальше.

Когда Хозяин вошёл в комнату, Сестрёнки уже мостились поверх одеяла, отпихивая друг друга упитанными хвостатыми попками. Хозяин с улыбкой глядел на их возню. Наконец, решившись, он открыл шкаф и принялся одеваться. Сестрёнки неодобрительно посмотрели на него.

– Куда ты, Хозяин, подожди до утра, – буркнула Старшая, присев.

– Мороз на улице, девчонки, надо поторопиться.

Сестрёнки проводили его взглядами. Хлопнула входная дверь, а через некоторое время под окном заурчал двигатель машины. Потом шум двигателя удалился и затих – машина выехала со двора.

– У Хозяина доброе сердце, – вздохнула Младшая, – хорошо это или плохо?

– Когда это касается нас – хорошо, а когда других – не уверена, что хорошо для нас, – глубокомысленно промурлыкала Старшая.

– Но ведь...

– Хватит! Додумаем утром, а сейчас – спать!

И Сестрёнки задремали, прикрыв носики лапками.

А старенькая иномарка двигалась по ночному городу, пробиваясь по свежему, успевшему затвердеть на морозе снегу. Заехав в знакомый двор и заглушив двигатель, Хозяин по колено в снегу прошёл к подвальному окну и вполголоса позвал:

– Люся, Люся!

Из оконного проёма высыпал разношёрстный прайд, Люси не было.

– Кушать! Кушать! – с жалобным мяуканьем требовали замёрзшие кошки, обнимая хвостами его ноги и просительно заглядывая в глаза.

Он очистил от снега две площадки и наполнил их сухим кормом. Хвостатые жадно проглотили угощение и снова юркнули в подвал, спасаясь от мороза. Он продолжал звать Люсю. Прошло некоторое время, и он увидел её в проёме подвального окна, стоящую, пошатываясь, на дрожащих лапках. Она не пыталась выйти наружу, а только молча смотрела на него слезящимися глазами. Подхватив малышку под тощий, с выступающими рёбрышками, живот, он сунул её за пазуху и что-то говорил, говорил, успокаивая её или, может быть, себя:

– Всё будет хорошо, Люсенька. Вот увидишь, всё будет хорошо. Ты будешь жить. Ты должна жить. Ведь это правильно и естественно.

И, уже усаживаясь в автомобиль с дрожащей Люсей за пазухой, вспомнил:
– Естественный отбор, однако!
Да, самый что ни на есть естественный.

Естественный отбор. Люся

Холод ледяными руками сжимал худое тельце. Кончиков ушей и хвостика она уже не чувствовала. Реденькая, тонкая шубка больше не в состоянии была защитить её от всюду проникающего мороза. «Поскорее бы... – билась в голове последняя мысль, – поскорее бы... к Маме, к Старому коту – на Радугу».

Можно было ещё потолкаться, пробиться в серёдку сбившихся в кучу сородичей, греющих друг друга слабым теплом, но зачем? Чего ради продолжать эту бессмысленную борьбу с холодом, голодом, от которого нестерпимо болел животик, с сородичами, которые готовы были вырвать из лап другого съедобный кусочек? Что хорошего в этой жизни? Была Мама, был Старый кот, а теперь – никого. Что ждет её в будущем? Этот подвал, кроме которого она ничего не видела, сырые, промёрзшие стены да маленькое окошечко во двор, до которого нужно было ещё допрыгнуть.

Люся прикрыла глаза. Мама... Самое светлое и теплое воспоминание. Шершавый язычок, вылизывающий шерстку ей, единственной выжившей дочке, ласковое мурлыканье, тёплая мягкая шерстка и ощущение покоя и счастья.

Мама-кошка в конце сентября окотилась четырьмя котятками. Сбереечь получилось только одну. Пока она, ослабевшая, переносила из придорожных кустов в подвал первую, остальных успели найти бродячие псы. Когда Мама вернулась за другими, спасти было уже некого.

Люся ещё успела застать несколько теплых, осенних дней. Как-то Мама, вернувшись с поисков еды ни с чем, принесла ей красный кленовый листочек, которым она игралась, забыв о голоде. Она так и уснула с ним, прижав его к бетонному полу лапкой. Однажды Люся даже выглянула в подвальное окно и поразилась огромному и неизвестному миру. Запахов в нём было намного больше, чем в подвале, а уж красок! А потом начались холодные дожди, и сырость в подвале не проходила. Мама всё реже и реже приносила в зубах что-нибудь вкусенькое и на хныканье Люси говорила:

– Если нечего кушать, если нечем заняться и вообще если попала в непонятную ситуацию – вылизывай свою шубку. Это отвлекает от голода и не даёт тебе опуститься.

Как-то раз, когда уже выпал снег, Мама пошла на охоту и больше не вернулась. Коты и кошки, обжившие подвал, шептались о своре собак, порвавших кого-то у мусорных баков, и украдкой посматривали на Люсю. Люся долго звала Маму, бродила по подвалу, искала её, но Мамы нигде не было. Кушать тоже ничего не было. Только Старый кот, уже беззубый, умудрился изловить мышку, отдал её Люсе и одобрительно смотрел, как та, наигравшись, употребила «игрушку» по назначению. Спали они тоже вместе, тесно прижавшись друг к другу. В долгие вечера он рассказывал ей о большом мире там, за пределами подвала, о людях, которых трудно понять, а значит – лучше остерегаться. Одни приносят еду, а другие могут больно пнуть, поэтому лучше не приближаться к ним, а еду брать только тогда, когда они отойдут на безопасное расстояние. Рассказал Старый кот и про свирепых псов, от которых можно спастись, только забравшись на ближайшее дерево. Научил её ловить мышек, которых было в подвале немного, но они были. А когда она подросла, научил запрыгивать в проём подвального окна и ждать, когда кто-нибудь из людей принесёт еду.

Человека, который приезжал рано утром и вечером, Старый кот называл безопасным и позволил Люсе подходить к нему, но с осторожностью. Человек всегда что-то бурчал под нос, раскладывая влажный, мягкий корм из шуршащего мешочка, и строго выговаривал другим хвостатым, когда те пытались отнять еду у Люси. Это он её так назвал – Люся. Она поняла, что он так выделяет её из общей хвостатой массы, и бежала к нему со всех лап, услышав свое имя.

Однажды, с жадностью заглатывая влажный корм, она почувствовала, как Человек погладил её по спинке. Это было неожиданно, пугающе, но так приятно! В испуге она отпрыгнула от

него, но, взглянув в глаза Человека, поняла, что тот не желает ей зла, и сама подошла к нему, подставив голову под ладонь. Закрыв глаза от наслаждения, она принимала ласку, крутилась, подставляя то один бочок, то другой, и неожиданно для самой себя замурлыкала. Старый кот с неодобрением смотрел издали, а потом недовольно выговаривал ей за её безрассудство. Но Люсе было уже всё равно: её приласкали! Может, даже её любят! У неё есть свой Человек! И пусть она всю жизнь проживет на улице, но она всегда будет помнить, что у неё когда-то был свой Человек!

Потом пришли морозы. Старый кот уже не успевал перекусить влажным кормом, который приносил Человек и другие добрые люди. Тот быстро застывал на морозе, а сухой корм он кушать не мог по причине отсутствия зубов. Он быстро ослаб, перестал выходить на улицу – не хватало сил вспрыгнуть на окно. Теперь Люся пыталась греть друга своим теплом, но его в маленьком, худеньком тельце почти не было.

Старый кот с благодарностью смотрел на свою воспитанницу и тяжело, с хрипом дышал.

– Он тебя зовет «Люся». Что ж, хорошее имя. Я чувствую, что у него доброе сердце. Это твой шанс, Люся. Не упускай его, может быть, тебе повезёт больше, чем всем нам.

– Мне уже повезло – он меня погладил и дал имя, он кормит меня, чего ещё можно желать? – Люся с жалостью смотрела на Старого кота и вылизывала ему шерстку на лбу.

– Он может дать тебе всё, Люся. Доброту и ласку, тепло и покой, а главное – чувство защищённости. С ним ты всегда будешь в безопасности, а это самое главное, – Старый кот прикрыл глаза от усталости. – Отвечай ему тем же – и проживёшь счастливую жизнь.

– Я не оставлю тебя, ведь о тебе некому позаботиться! – Люся осуждающе посмотрела на своего друга и воспитателя. – Как ты мог подумать, что я брошу тебя?!

– Ты ещё маленькая, глупая киска, но у тебя большое сердце, – Старый кот хрипло вздохнул. – Я уже вижу Радугу, Люся. Скоро я побегу по ней навстречу моим друзьям, братьям и сёстрам, и... навстречу твоей Маме. Там всегда тепло и сытно. Там нет злых людей и собак, там я больше не буду испытывать постоянный страх. Там мы все будем весело играть и сладко отсыпаться...

– Я тоже хочу туда, я устала от голода, мороза и страха. Я больше не хочу оставаться здесь! – пискнула Люся.

– Тебе ещё рано. Ты ещё не видела лета и его прелестей, не наслаждалась запахом трав, пением птиц, игрой бабочек, не грелась на солнышке и много чего ещё не познала... – Старый кот помолчал. – И всё-таки постарайся не упустить свой шанс.

Потом она сидела у окоченевшего тела Старого кота и тихонько плакала. Больше не с кем было коротать вечера, делиться едой, слушать рассказы о большом мире. Больше не оставалось ничего, ничего хорошего здесь. Её била дрожь, а голова сделалась тяжёлой. Утром она попыталась выйти на зов Человека, но не смогла допрыгнуть до окошечка. Не смогла и вечером. Ей оставалось только плакать, глядя снизу вверх на узкий проём подвального окна. Сидя рядом с телом Старого кота, она думала, что тот уже на Радуге, и ей очень хотелось тоже скорей очутиться там, увидеть этого мудрого старика живым и здоровым, боднуть его дурашливо... Встретить ушедших сестрёнок и братишек... И Маму. Прижаться к ней и мурлыкать счастливо, до самозабвения, вдыхая родной запах, ощущая тепло и любовь.

Вконец ослабев от голода и мороза, она прилегла на холодный бетонный пол и провалилась в тяжёлое забытие.

– Люся, Люсенька! – сквозь болезненный сон услышала она.

Человек! Мой Человек! Он дал мне имя, он погладил меня! Надо попрощаться с ним перед дорогой и, если он позволит, ткнуться ему носиком в щёку. Он всё поймет.

С трудом поднявшись на дрожащие лапы, собрав остатки сил, она подошла к окну, примерилась и взвилась вверх. Зацепившись за бетонный подоконник коготочками, она отчаянно скребла по обледенелой, кирпичной стене задними лапками, пока, наконец, не взобралась на

него. Выйти наружу сил уже не оставалось. Сквозь пелену, застилавшую всё впереди, она искала взглядом Человека и не находила его. Пелена становилась гуще и гуще, вот уже поглотила всё... Как хочется ещё раз ощутить его руку на спинке, услышать неразборчивые слова, означающие ласку, но...

Рука Человека подхватила Люсю, она почувствовала тепло, и крупная дрожь затрясла маленькое тельце – это холод неохотно отпускал свою жертву. Сквозь забытые слышались слова с непонятым пока ей смыслом, но с доброй, успокаивающей интонацией:

– Всё будет хорошо, Люсенька. Вот увидишь, всё будет хорошо. Ты будешь жить. Ты должна жить...

И уже совсем непонятное:

– Естественный отбор, однако...

Естественный отбор. Сестрёнки

Когда за Хозяином захлопнулась дверь, обе Сестрёнки, изображавшие доселе безмятежную лень, кинулись к закрытой двери ванной комнаты, предвкушая развлечение.

Уже неделя прошла с того дня, вернее с той ночи, когда Хозяин, войдя в квартиру, осторожно достал из-за пазухи серенький комочек, безвольно свесивший лапки.

– Ну вот, девчонки, – виновато улыбаясь, произнёс он, – это Люсенька, я вам о ней рассказывал. Она теперь будет жить с нами. Надеюсь, подружитесь. А пока не мешайте нам.

И весь остаток ночи он возился с новенькой: отогревал в тёплой воде, мыл, сушил, приспособливал миски для корма и воды, сыпал в лоток наполнитель и не давал Сестрёнкам сунуть за дверь любопытные носы.

Покончив с неотложными делами и убедившись, что Люся крепко спит, он, наконец, вышел к Сестрёнкам, чтобы выдать им инструкции по поведению, но те, явно проигнорировав его слова, демонстративно задрали хвосты и удалились под кровать. Обида была бескрайней! Впервые им было отказано в удовлетворении законных капризов, тем более – в утолении весьма здравого любопытства! Это прощать нельзя!

Всю неделю обделённые вниманием Сестрёнки ревниво наблюдали, как, возвращаясь с работы, Хозяин возился с хвостатой мелочью, обрабатывал ей глазки мазью, возил к доктору и пичкал лекарствами. Но к общению с ней Сестрёнок не допускал, запирали её в ванной комнате.

– Карантин, однако!

И вот сегодня объявил, что вечером можно будет познакомиться с ней поближе.

А чего знакомиться? Они уже неделю как общались, сидя по разные стороны запертой двери, если это, конечно, можно назвать общением.

– Эй, малая! – нарочито хриплым мявом начинала Младшая. – Тебя же Люськой зовут?

– Нет, – робко отвечала та, – меня зовут Люсенькой.

– Ха! Люсенькой её зовут! – презрительно хмыкала Младшая. – Запомни, Люсенька, как только откроют эту дверь, я тебя придушу!

– За что? – недоуменно вопрошала Люся. – Я же вам ничего плохого не сделала!

– За Хозяина! – завывала Младшая. – Раньше он любил только нас. А теперь ещё и ты свалилась на нашу голову!

– Но ведь я его тоже люблю.

– Любишь его?! – бесновалась Младшая. – Да что ты знаешь о любви?! Хвост ещё не отрастила, а туда же – «люблю»!

Люся умела общаться в подобном тоне (в подвале другого не признавали), но не хотела портить отношений. Она тихонько отходила от двери и молча укладывалась на лежанку.

Старшая же вела себя несколько спокойней и, присев у двери, подолгу расспрашивала Люсю о прежней жизни.

– У тебя есть Мама?

– У меня была Мама, но потом её не стало, – грустно отвечала Люся.

– А ты помнишь её? Какая она была?

– Да, помню. Она была... Она была самая лучшая на свете!

– А с кем же ты жила, когда не стало Мама?

– Со мной рядом всегда был Старый кот. Он рассказывал мне про большой мир, согревал, когда мне было холодно, учил ловить мышек. А потом он ушёл. На Радугу.

– Ты умеешь ловить мышей? И много ты их поймала?

– Да, я их ловила. Когда очень хотелось кушать. В нашем подвале они водились. Потом их не стало...

– Какой ужас! – шипела Младшая.

Они со Старшей вообще не могли похвастаться никакой добычей. Мышей в квартире не было, а больше они нигде ещё не бывали. Старшая задумчиво отходила от двери, походя затрепанный отгоняя от нее Младшую. Потом возвращалась с новым вопросом:

– Сколько же тебе лет? Вернее, месяцев?

– Доктор сказал, что мне около пяти месяцев, но выгляжу я на два. Это от недостатка питания и витаминов в организме. А что это такое – витамины?

Однажды вечером Хозяин объявил Сестрёнкам:

– Люсенька прошла карантин. Она вполне здорова и сегодня пополнит наше общество! – Он торжественно открыл дверь и позвал: – Люся, на выход!

Люся сделала несколько шагов из ванной комнаты, взглянула на полосатых тёток и нерешительно присела у ног Хозяина, ставшего ей не только родным, но и единственно любимым Человеком. Младшая, развязно повиливая хвостом, двинулась к Люсе.

– Ну что, пигалица, наконец-то я дождалась этой минуты. Сейчас ты получишь...

– Заткнись, стерва хвостатая! – неожиданно прошипела Люся, принимая боевую стойку, как учил её Старый кот. – Ещё шаг – и я потушу твои фары! – И она продемонстрировала растопыренную пятерню с выпущенными когтями.

– Ты чего, ты чего? – Младшая нерешительно остановилась, потом сдала назад и села на хвост, а Старшая упала на бок от беззвучного смеха.

– Ну, будем считать, что познакомились, – с улыбкой произнёс Хозяин. – Покажите Люсе наше жилище, когтеточку, поделитесь своими игрушками, а я пока пойду на кухню – готовить нам праздничный ужин.

Младшая нерешительно подошла к Люсе и после небольшой паузы осторожно ткнулась носом в её носик.

– А ты взаправду умеешь ловить мышей или только хвасталась?

– Умею, – Люся скромно опустила глазки.

– Научишь нас тоже? Летом Хозяин обещал жить с нами на даче, он рассказывал, что там их полно!

– Летом? А что такое лето? – Люся пыталась вспомнить рассказы Старого кота про лето, но помнились только слова – «тепло», «бабочки», «солнышко».

– Лето на даче – это рай для таких, как мы, – Старшая подошла к Люсе и тоже ткнулась носом ей в носик. – Пойдем, мы расскажем тебе про лето.

Через полчаса, когда Хозяин решил, что для праздничного ужина всё готово, он обнаружил всех троих на кровати. Старшая лёжа вылизывала Люсе мордочку, приобняв её одной лапой, Младшая, сидя рядом, делала ей массаж спины без коготков. Увидев Хозяина, она, не переставая мять Люсю, задорно промяукала:

– Хозяин, придётся тебе зарабатывать больше – нам на корм! Эту доходягу надо хорошенько откормить, чтобы не портила общей картины!

Три усатые мордочки весело улыбались, глядя прищуренными глазами на Хозяина.

Новые друзья

Дождавшись отпуска, Хозяин неделю приводил в порядок купленный осенью дачный участок, домик и главное – ограду. Она должна была стать надёжной, чтобы Сестрёнки и Люся не смогли самостоятельно выбраться за её пределы.

И вот наступил день переезда. Тёплый день в последних числах мая. Сестрёнки с утра прихорашивались, намывая бока, лапы, хвост. А в перерывах между умываниями бегали к мискам – подкрепиться перед дорогой. И путались в ногах у Хозяина.

Загрузив в автомобиль сначала вещи, он устроил на заднее сиденье Сестрёнок и Люсю.

Дорога Сестрёнкам не понравилась – их укачивало. Люся же, перебравшись на переднее сиденье, широко распахнув глаза, наслаждалась видом из окна, иногда оборачиваясь к Хозяину, будто удивленно вопрошая: «Ты видел?»

Когда добрались до места, Сестрёнки были уже на грани истерики. Они вышли из машины на волю и упали на траву в двух шагах от калитки. А Люся, не теряя времени, пустилась обследовать периметр участка.

Окрепшая за остаток зимы и весну, она всё равно выглядела кото-подростком. Но в этом маленьком тельце уживались отчаянная смелость, уважение к Сестрёнкам и бесконечная нежность к Хозяину. Сестрёнки, смилив ревность, разрешали ей спать на руке Хозяина, называть его «Папа» и даже прощали некоторые вольности. Например, ей одной позволялось в приступе нежности слегка покусывать мочку уха Хозяина.

Пока Хозяин перетаскивал вещи в дом, Сестрёнки пришли в себя и с интересом осматривали окрестности. Впервые за полтора года своей жизни они оказались на природе. Местом для своей резиденции они выбрали мягкую, приятно пахнущую травку у подножья цветущей яблони. Задрвав головы, они с интересом наблюдали за суетой пчёл и шмелей в цветущей кроне.

Подошёл Хозяин.

– А что это вы разлеглись на грядке петрушки? Ладно-ладно, лежите, если вам нравится. С новосельем, Сестрёнки! А где наша Люся? – И он негромко позвал: – Люся, Люся!

Через секунду с соседнего участка на ограду вскочила Люся, держа в зубах первую добычу – мышь! Спрыгнув на землю, она подошла к Хозяину, победно помахивая хвостом, и положила добычу у его ног.

– Это тебе, Папа, – промурлыкала она и прилегла рядом с Сестрёнками.

Сестрёнки ошарашено смотрели то на Люсю, то на мышь, и в глазах их застыл немой вопрос – как? Тот же вопрос застыл в глазах у Хозяина, но смотрел он не на мышь, а на ограду. Как он ни старался поднять её выше, для Люси она оказалась не преградой вовсе.

– Ну, не колючую же проволоку натягивать, – пробормотал Хозяин. – Что ж, Сестрёнки слишком тяжелы для таких прыжков, а ты, Люся, скачи, но далеко не убегай, чтобы я не волновался за тебя.

И началась весёлая дачная жизнь! Люся обучала Сестрёнок охоте – незаметно подкрадываться к добыче, сидеть в засаде, не выдавая себя, чтобы одним прыжком настичь жертву. Но самым главным, конечно, было извлекаться в пыли перед охотой, чтобы отбить посторонние запахи, опять же – маскировка. Мало-помалу Сестрёнки перенимали опыт, тренируясь на бабочках и кузнечиках. И настал день, когда все трое подошли к Хозяину с добычей в зубах и каждая положила мышку на крыльцо домика у ног родного Человека. Гордые, они уселись невдалеке и взглядами поощряли его:

– Кушай на здоровье, пока тёпленькие. А то на консервах можно и ноги протянуть.

Хозяин благодарил своих девчонок, гладил, говорил ласковые слова, но от добычи избавлялся. Незаметно, чтобы не обидеть охотниц. Так что хвостатые оставались в полной уверенности, что с лихвой удовлетворяют пищевые потребности Хозяина.

По вечерам все собирались в домике. Поскольку ночи ещё были прохладными, Хозяин разжигал камин, усаживался в кресло-качалку и, достав с полки очередную книжку, читал ее вслух. Сестрёнки устраивались на ковре у камина, Люся – на коленях у Хозяина, и, подрёмывая, дружно слушали истории о хитроумных сыщиках Шерлоке Холмсе, Эркюле Пуаро, Ниро Вульфе. Так они и засыпали – счастливые, окутанные ласковым теплом и покоем.

Днём Люся продолжала обследовать соседние территории, но по первому зову Хозяина со всех лап неслась к нему, легко перемахивая ограду. Сестрёнкам же с их толстыми, хвостатыми попками так и не удалось туда даже взобраться.

Однажды, возвращаясь из разведки с соседнего участка, Люся подошла уже к ограде, когда услышала шорох. На её пути из кустов показалась морда немолодого, но крепкого пса. Взлететь на ограду уже не представлялось возможным, путь домой был отрезан. «Дерево! Где-то здесь должно быть дерево, чтобы взобраться на него, как учил Старый кот!» – промелькнула в ушастой голове здравая мысль.

Но здравомыслие переборола отчаянная смелость, и Люся, не отдавая себе отчета, что делает, коротко, без замаха врезала левой лапой по морде пса. Потом – правой, снова – левой, пока вдруг не услышала:

– Не балуй!

Пёс встал во весь рост, возвышаясь над Люсей. И хрипловатым, но добрым голосом добавил:

– А то посажу на пятнадцать суток за хулиганство.

– Куда посадишь? То есть – посадите? – Люсе стало неудобно за свое поведение, и она, виновато опустив голову, попросила: – Извините.

– Вот так-то лучше, – Пёс снова прилег и с весёлыми искорками в глазах продолжил: – Мелкая, но смелая. Как настоящая бойцовая собака. Тебя ведь Люсей зовут?

– Откуда вы знаете моё имя? – Люся во все глаза смотрела на неожиданного собеседника.

– Давно за вами, соседи, наблюдаю. Со дня вашего приезда.

Пёс положил тяжёлую голову на лапы. Теперь его глаза были вровень с глазами Люси.

– А как же мы этого не заметили? Вы, наверное, шутите?

– Я старый полицейский пес. Засада для меня – дело привычное. Так что я знаю всё про вашу жизнь здесь, – Пёс тяжело вздохнул и добавил: – И завидую. У вас весело.

– Так приходите к нам в гости, мы с Сестрёнками будем очень вам рады! – вежливо предложила Люся. – Вот только по забору вам ходить будет не совсем удобно, но, может быть, вы сможете пролезть под ним?

– Легко! – обрадовался приглашению пёс. – Прокопаю лаз в лучшем виде. Только заранее предупреди Сестрёнок, а то испугаются меня, где их потом Хозяин будет искать...

После обеда хвостатые девчонки собрались под яблоней, заранее приведя себя в порядок. Репей с хвостов был тщательно вычищен, шубки вылизаны до блеска. Узнав от Люси, что соседский пес служил в полиции, Сестрёнки, ярые почитательницы детективных историй, с нетерпением ждали его появления. И вскоре из-под ограды, отдуваясь и отряхиваясь от песка, появился пёс. Медленным шагом он подошёл к соседкам, шаркнул задней лапой и, наклонив голову, произнёс:

– Дамы, позвольте представиться! Меня зовут Дружок.

Он весело посматривал на соседок. Сестрёнки глядели на него с таким видом, будто оскорбились, что тот не просит лапу для поцелуя.

– Проходи, приляг, дядя Дружок! – пропищала Люся. – Расскажи нам про свою службу.

– Служба как служба, – вздохнул пёс. – Тренировки, дежурства, задержания. В общем, всё такое. А сейчас я на пенсии из-за... В общем, на пенсии.

– Всего-то?! – хихикнула Младшая. – А мы-то думали: работа мысли, погони, стрельба. Вот нам Хозяин читал про сыщиков, так там такое!

– Ну-ка, ну-ка, поподробней, – заинтересовался Дружок, – мне это интересно как профессионалу. Расскажите.

И Сестрёнки с Люсей, перебивая друг друга, разыгрывая в лицах сюжет, принялись пересказывать Дружку историю про охоту Шерлока Холмса на профессора Мориарти. Дружок, склонив голову набок и вывалив язык, внимательно слушал повествование, вертя головой от одной рассказчицы к другой, повизгивая в самых закрученных местах сюжета. Видя такое неподдельное внимание, Сестрёнки с Люсей разошлись вовсю и даже не заметили, как к ним подошёл Хозяин. Дружок поднялся первым и подал для знакомства лапу. Оценив воспитанность и благородство пса, Хозяин пожал протянутую лапу и обратился к нему:

– Я вижу, вы уже подружились. А у меня к тебе, дружище, серьёзный разговор. Через несколько дней мы должны будем вернуться в квартиру – мой отпуск заканчивается. Но если ты пообещаешь взять под охрану моих воспитанниц, то мы могли бы остаться. А я бы вечером возвращался сюда со службы и угощал бы тебя за это косточкой.

– Я их никому в обиду не дам! – гавкнул Дружок. – И вовсе даже не из-за косточки. А можно я тоже буду слушать книжки у вас по вечерам? Только вы поговорите с моим Макарычем, чтобы он меня не терял.

Теперь в домике Хозяина по вечерам было тесновато, но ещё веселее. Поскольку в гости приходил не только Дружок, но и его хозяин Макарыч, бывший работник МВД. И двум пожилым мужчинам было о чём поведать друг другу за рюмкой чая, а их питомцам – послушать.

Второе пришествие

Так и повелось. Утром Хозяин, отправляясь на службу, выгонял свою старенькую иномарку за ворота дачного участка. Там его неизменно ожидал Дружок – крепкий пес породы «немецкая овчарка», владелец которого стал Хозяину другом. Дружок, подав для приветствия лапу, проходил на участок и присоединялся к компании Сестрёнок и Люси. Двери в домик оставались полуоткрыты, и питомцы при необходимости всегда могли войти в него в случае непогоды, желая утолить аппетит или жажду. Дружок по многолетней привычке довольствовался ранним завтраком и поздним ужином. Недоброжелатели, зная об отсутствии Хозяина, попытались однажды проникнуть на участок, но, встретившись с Дружком, навсегда отказались от нехороших намерений.

Расположившись после сытного завтрака под яблоней, на любимом месте отдыха разношерстной компании, Сестрёнки подрёмывали вполглаза, а неугомонная Люся играла с хвостом Дружка, карабкалась ему на спину и пыталась грызть уши. Дружок добродушно смотрел на её проделки и лишь иногда смахивал Люсю со спины языком и прижимал лапой к траве.

– Успокойся, неугомонная!

Сестрёнки не упускали возможности ввинтить шпильку в толстую шкуру Дружка.

– Странно, – томно полуприкрыв глаза, начинала Старшая, – ты вроде заслуженный пес, благородной породы. Почему у тебя такое имя – Дружок, как у обычного дворового кобеля?

– Вообще-то, по паспорту я – Фрей. Ну, или как-то так, – почему-то смутился он. – В переводе с английского – Друг. Мой Хозяин терпеть не может иностранные слова и выражения, поэтому всю жизнь зовет меня Дружок. А мне нравится. Не «Джек» какой-нибудь или там «Лорд». Мы ведь и в самом деле с моим хозяином друзья, а на службе бывало всякое, приходилось и жизнь друг другу спасать, ну там и прочее... – Дружок почему-то вновь засмутился и положил голову на лапы.

– Дядя Дружок, – Люся опять тормошила своего большого товарища, – расскажи про свою службу, ведь ты же долго служил в полиции! Что ты там делал?

– Ну-у... – Дружок отводил глаза. – Как и все служебные собаки, слушал приказы Хозяина и выполнял их.

– Сатрапом был, короче, – издевательским тоном замечала Младшая, и Сестрёнки заливались смехом.

– У тебя даже ранение есть, и не обманывай, я чувствую его – вот здесь, на груди, – Люся дотронулась лапкой до широкой груди пса. – Не болит?

– Только к непогоде, – Дружок вздохнул и ласково лизнул Люсю в мордочку, отчего та не удержалась на лапках и свалилась на бочок. И вновь началась веселая возня.

Ближе к возвращению Хозяина с работы, кошки поднимались и, тщательно извываясь в пыли, отправлялись на охоту. Дружок менял дислокацию и перебирался ближе к калитке, чтобы предупредить своих подружек о его приближении. Автомобиль заезжал на участок, и Дружок бодро рапортовал Хозяину о состоянии дел на вверенном ему посту. К этому времени на крыльце неизменно лежали три свежепойманных мышки и отдыхали довольные охотницы. Объявив благодарность и приласкав всех, Хозяин проходил в дом, и начинались вечерние заботы, в процессе которых он незаметно избавлялся от охотничьих трофеев.

К концу июня серых грызунов – объектов охоты – на участке не осталось, и на крыльце Хозяина теперь дожидалась, как правило, одна, редко – две мышки. И если Сестрёнок это не особо напрягало, то Люся в порыве заботы о полноценном питании Хозяина очистила от мышей уже и соседние участки, благо перемахнуть через ограду ей не составляло труда, в отличие от изрядно пополневших Сестрёнок. Дружок ходил вдоль ограды и никогда не упускал её из виду, хоть и ворчал на Люсю за отлучки с участка. Любопытство и наблюдательность Люси

позволили ей сделать вывод, что вероятность удачной охоты повышается с темнотой. И в один из вечеров, когда все уже улеглись, она, по обыкновению нежно укусив Хозяина за мочку уха, незаметно для всех ускользнула из домика – в форточку.

Подробности той ночи остались неизвестны Хозяину. Утром он обнаружил тело общей любимицы в траве на обочине дороги. Рядом сидел Дружок и, горестно поскуливая, вылизывал шерстку окоченевшей уже Люси. Стараясь утешить друг друга, не скрывая при этом слёз, человек и пёс в последний раз приласкали её, завернули в чистое полотенце и, выкопав на участке ямку вблизи ограды, погребли маленькое тельце.

Дружок, сидя рядом с Холмиком, поскуливал, а Сестрёнки, непривычно притихшие и испуганные, сидели поодаль. Хозяин же поднял глаза вверх, неестественно высоко запрокинув голову, и долго смотрел в утреннее небо, будто стараясь разглядеть Радугу, по которой бежала Люся, завершив свой коротенький земной путь...

Лето неумолимо заканчивалось, на смену знойным дням и тёплым ночам пришли дожди с утренними туманами и сырой ночной прохладой. По вечерам Хозяин вновь разжигал камин, у которого собиралась компания хвостатых и их хозяев. О чём бы они ни беседовали, в мыслях у каждого всегда была Люся. Сестрёнки время от времени бросали взгляд на колени Хозяина и скорбно переглядывались. Дружок молча глядел на огонь, положив голову на лапы. Он будто враз постарел, виня себя за то, что не сберёт свою маленькую подружку, хотя все убеждали его, что никакой его вины в произошедшем нет.

По утрам он неизменно приходил к Сестрёнкам, но первым делом бежал к холмику, которому Хозяин не позволял зарости травой, и некоторое время сидел, глядя на него грустными глазами. Сестрёнки больше не изводили его своими насмешками, а старались отвлечь от грустных воспоминаний светской беседой. Дружок вяло поддерживал беседу и грозно порывивал на Сестрёнок, если те пытались покинуть пределы дачного участка.

А несколько дней спустя Сестрёнки стали свидетелями его необычного поведения. Лежавший неподвижно Дружок вдруг настороженно потянул носом воздух, вскочил, напряжив крепкие мышцы и, стрелой промчавшись по участку, перемахнул через ограду на улицу. Оттуда послышались рычание и крики ужаса. Любопытные Сестрёнки смотрели сквозь щели ограды, как Дружок легко догнал местного отморозка, вечно шатающегося по улицам с бейсбольной битой, и профессионально уложил его в густую придорожную грязь. Грозно рыча, он удерживал его до тех пор, пока не подошёл Макарыч. Хозяин что-то скомандовал псу, тот неохотно отпустил свою жертву. Коротко переговорив о чём-то с испачканным грязью типом, бывший сотрудник МВД вырвал из рук пострадавшего биту и крепким ударом расщепил её о бетонный столб. Отморозок, испуганно оглядываясь на собаку, затрусил вдоль по улице и больше в этом районе не появлялся.

– Это был он? – спросил Макарыч Дружка – своего надёжного напарника по службе.

– Он! – коротко гавкнул пес, с ненавистью глядя вслед удаляющемуся комку грязи – в прямом и в переносном смысле.

Макарыч несколько не сомневался в выводах Дружка, уж он-то прекрасно знал его способность держать в памяти даже самую тоненькую ниточку запаха злоумышленника, которую они вдвоем неоднократно разматывали до логического завершения.

После этого случая авторитет Дружка для Сестрёнок стал неоспорим. Они, конечно, пытались подлизываться и льстить своему охраннику, но того это несколько не трогало. Он честно нёс службу, не позволяя Сестрёнкам удаляться с участка, но грусть, казалось, поселилась в его глазах навечно.

В один из вечеров, предвещавших наступление осенних холодов, кошки по обыкновению сидели на крыльце, любуясь пурпурным закатом, ждали Дружка и Макарыча.

Дружок появился внезапно: не дожидаясь, когда ему откроют калитку, он перемахнул через ограду. В зубах он держал серенький комочек, издававший тоненький писк. Подойдя

к Сестрёнкам, он осторожно опустил его на дощатый настил крыльца и взволнованно посмотрел на них. Сестрёнки с интересом рассматривали находку: худенький котёнок, месяц от силы, дрожащий от холода, но отнюдь не от страха, кого-то определенно им напоминал. А когда малыш, подняв дрожащую пружинку хвостика, смело подошёл к ним и потёрся носиком об их шубки, все сомнения отпали.

– Люся! – Сестрёнки одновременно охнули и принялись вылизывать мелкую в два язычка.

Дружок присел рядом, любовно поглядывая на найдёныша.

– Вот, – рассказывал он, – сидит у вашей калитки и ждёт, когда откроют. Я сразу понял, кто это. Во-первых, не испугалась меня, а во-вторых – не могу я ошибиться!

– Кушать хочешь? – спросила Старшая, на секунду отрываясь от дела.

– Хочу! – пропищала малышка в ответ и попыталась лизнуть её.

– Ну, пойдем, пойдем! Покажем тебя Хозяину, он нальёт тебе молочка.

– Папа? – вновь пропищала мелкая и улыбнулась.

Сомнений не оставалось: это была Люся! Но узнает ли её Хозяин?

Хозяин, растопив камин, уже устраивался в своём любимом кресле-качалке. На процессию во главе с Дружком взглянул недоуменно. Подойдя к креслу, пёс бережно опустил ему на колени серенький живой комочек и присел рядом. Хозяин взял в руки малышку и принялся с удивлением разглядывать её в дрожащем свете потрескивающего камина.

– Это что ещё такое? – осипшим голосом произнес он. – Откуда взялся этот хвостик?

– Папа! – вдруг пропищала малышка.

Неуклюже перебирая лапками и подруливая хвостиком, она вскарабкалась поближе к лицу Хозяина, лизнула его в нос и неожиданно мягко укусила мочку уха.

– Люсенька! – выдохнул Хозяин и зарылся носом в мех найдёныша. – Ты вернулась, Люсенька!

– Ну, и что будешь теперь делать, сосед? – В дверях стоял Макарыч и с улыбкой смотрел на компанию.

– Что делать? – Хозяин улыбался сквозь слезы. – Любить и растить...

Круг любящих сердец

Последняя дачная неделя прошла в суете. Хозяин понемногу перевозил необходимую утварь в квартиру, готовясь к окончательному отъезду. Сестрёнки и Дружок не отходили от маленькой Люси, которую чаще называли Малюсей, и не давали ей шага ступить без присмотра. Но та, не обделяя вниманием никого, предпочитала быть рядом с Дружком, чему тот был несказанно рад. Она ползала по его густой шерсти, кусала его за уши, щекотала ему нос хвостиком и счастливо смеялась, когда тот чихал. Наигравшись, Малюся засыпала, привалившись к Дружку, уткнувшись мордочкой в его тёплый мех, и тот не смел пошевелиться, чтобы не потревожить малышку.

Наступил день отъезда. Макарыч и Дружок тоже готовились к отъезду в город, но пришли проводить добрых соседей. Все подошли к холмику, помолчали, даже Малюся притихла на время. Потом Дружок подал лапу Хозяину, поочередно лизнул Сестрёнок, те смущенно отвернулись, шутливо шлёпнув приятеля по морде. Малюся с разбегу кинулась на шею Дружку и повисла на нём, что-то неразборчиво попискивая, а Дружок, кажется, всё прекрасно понимал и, аккуратно вылизывая её, что-то отвечал, обещал не забывать и навещать её вместе с Макарычем. Ведь Макарыч и Хозяин подружились основательно и тоже намеревались бывать друг у друга в гостях. Сестрёнки запрыгнули в открытую заднюю дверцу автомобиля, Малюся устроилась на переднем сиденье – поближе к Хозяину. Машина тронулась, и Дружок, сорвавшись с места, некоторое время бежал рядом с ней, заглядывая в окно и пытаясь ещё раз посмотреть на Малюсю.

Дорога домой Сестрёнкам, в отличие от Малюси, не понравилась – их вновь укачало. В квартиру Хозяин занёс две упитанные тушки, безвольно свесившие лапки. Малюся же с любопытством поглядывала на новую обстановку из проёма полурасстёгнутой куртки Хозяина. Сестрёнки, отлежавшись в прихожей, пошатываясь, отправились на своё излюбленное место – кровать Хозяина – и принялись устало приводить себя в порядок. Малюся с интересом обошла все углы и закоулки квартиры и, найдя лоток с наполнителем, использовала его по назначению, чем заслужила похвалу Хозяина.

Прогулки теперь ограничились размерами квартиры, но Сестрёнок это, похоже, не расстраивало: они отсыпались, переваривая впечатления лета. Малюся же, в силу возраста не признававшая сонный покой, устраивала «тыгыдык», лазила по шторам, всячески пыталась растормошить Сестрёнок. Те, хоть и делали вид, что поддаются игривому настроению, при первой же возможности заваливались на бок и закрывали глаза.

Хозяин утром отправлялся на работу и появлялся только вечером. Он честно старался уделять больше внимания своим воспитанницам, но Малюсе этого было явно недостаточно. Укладывалась спать она только на руку Хозяина, предварительно ласково укусив его за мочку уха, тот отвечал ей ласковым поглаживанием, и она, чувствуя себя любимой, засыпала – мурлыча, со счастливой улыбкой.

Но по Дружку она отчаянно скучала. В отсутствие Хозяина полюбила забираться на подоконник и наблюдать из окна жизнь двора. Часто, разглядывая суету внизу, она замечала собак и долго вглядывалась в каждую, чтобы в конце концов понять: нет, это опять не Дружок. Тоска по большому другу поселилась в её сердце и не отпускала.

Поэтому однажды, вечером Хозяин взял в руки телефон и набрал номер Макарыча. Тот ответил не сразу, но, узнав соседа по даче, обрадовался. Мужчины долго говорить не умеют: узнав о здоровье и делах друг друга, условились встретиться в ближайший выходной. Вот и весь разговор. Хозяин пересказал все кошкам, те внимательно выслушали его и поняли, что скоро к ним нагрянут гости. Сердчишко Малюси забились часто-часто. Неужели Дружок тоже придёт?

Долгожданный день настал быстро. Суббота, 10 ноября. Сестрёнки готовились к встрече, приводили себя в порядок и как бы ненароком походкой моделей прохаживались мимо большого зеркала, косясь на своё отражение. Малюся носилась от окна к Хозяину и опять к окну. Хозяин готовил на кухне угощение и посмеивался над хвостатыми девчонками.

– Идут! Идут! – запищала Малюся, увидев знакомые силуэты на тротуаре возле подъезда многоэтажки, и кинулась к входной двери. Сестрёнки неторопливо прошествовали туда же. Все трое уселись напротив двери, обвив хвостиками лапки, и задрали мордочки в ожидании. Хозяин, не дожидаясь звонка, открыл дверь. И вовремя – от лифта уже следовал Макарыч с Дружком на поводке. Кошки начали недоуменно оглядываться – какой-то мелодичный звон приближался вместе с гостями. Все разъяснилось, когда вошёл Дружок. На его шее висел передничек с медалями, которые и издавали тот самый звон. Медали располагались в несколько рядов, но в центре особо выделялась медаль на серебристо-серой колодке с синей окантовкой.

– «За отвагу»! Боевая! – ахнул Хозяин.

Сестрёнки оробели, а Малюся с писком, переполнявшим её грудь, кинулась к Дружку, повисла у него на шее, не обращая внимания ни на какие медали.

– Дядя Дружок! – пищала она. – Наконец-то ты пришёл! Почему тебя так долго не было?!

Дружок, повизгивая от нахлынувших чувств, прилёг на пол, чтобы быть ближе к Малюсе, и вылизывал, вылизывал маленькую усатую мордочку...

Через час хвостатые, лежа на ковре в комнате, весело беседовали, вспоминая летние проказы. Малюся трогала медали лапкой и заставляла их звенеть.

– Ну, расскажи про свои награды, скромник, – требовали Сестрёнки.

– Да тут в основном спортивные, – отвечал тот и отводил глаза, – за участие в соревнованиях и прочие...

Поняв, что откровенности от него не добиться, Сестрёнки оставили Дружка с Малюсей в комнате, а сами пробрались на кухню, устроились на подоконнике и, всем своим видом показывая, что их интересует только вид из окна, наострили уши.

– ... Медали вручили тогда всему составу блокпоста – и живым, и погибшим, – продолжал рассказ Макарыч. – Я свою отдал Дружку. Он её точно заслужил. Если бы он тогда не кинулся на ствол боевика – не беседовал бы я сейчас с тобой. После боя на руках нёс его, раненного. Еле выжил... Спасибо полковому хирургу – спас псину. До госпиталя тогда довели не всех...

Мужчины помолчали, Хозяин разлил по стопкам прозрачную жидкость. Встали и молча, не чокаясь, выпили.

Выйдя на лоджию и открыв створку окна, закурили.

– Разговор у меня к тебе, друг, серьёзный, – начал Макарыч. – Боюсь я за Дружка. Как вернулся в город – не узнаю его. Почти не ест, на прогулку даже не просится, так – выходит только по необходимости. Лежит в прихожей, ни на что не реагирует. В общем, все признаки депрессии. А сегодня, когда объяснил ему, куда идём, засуетился, как щенок, сам поводок принёс, аж повизгивал, пока собирались. И сейчас – смотри, как он играет с Малюськой! Как молодой, даже глаза заблестели. Давно его таким не видел.

Хозяин уже понял, к чему клонит Макарыч и, машинально вертя в пальцах сигарету, о чём-то думал.

– Понял я тебя, Макарыч, но давай у Малюси спросим – согласна она, или...

– Думаешь, поймет? – усомнился гость. – Нет, я понимаю – собака! Они всё поймут. Но мелкий котёнок... Неужели сообразит, о чём речь?

Хозяин только усмехнулся.

– Пойдем, Макарыч, пойдем к ним.

В комнате Малюся весело прыгала от одной лапы Дружка к другой, а тот отдергивал их, не давая до себя дотронуться. Они развеселились и не замечали, что находятся в центре внимания.

– Дружок, – позвал Макарыч.

Пёс взглянул на Макарыча и замер с поднятой лапой. Глаза его вдруг вновь стали грустными. «Всё? Это всё? Уже пора возвращаться?» – вопрошал его взгляд.

– Малюся, – позвал Хозяин и, когда кошечка повернула к нему мордашку, продолжил: – Дружок и Макарыч просят, чтобы ты жила с ними. Но решать – тебе.

Малюся, застыв на мгновение, кинулась к Хозяину, вскарабкалась на него и, очутившись в объятиях, лизнула его в нос. Потом, так же ловко спустившись на пол, вскачь понеслась к Дружку и взгромоздилась ему на спину. Дружок, вывесив язык, весело поглядел на усатую наездницу.

– Ну, что ж! – вздохнул Хозяин. – Так тому и быть!

Провожать гостей на лестничную площадку вышли все, даже Сестренки. Малюся попрощалась с каждой, ткнувшись носиком. Хозяин, присев на корточки, поднял маленькую Люсю на колени чтобы погладить на прощанье, а та, встав на задние лапки, дотянулась до мочки его уха и нежно укусила.

– До встречи, соседи, – мяукали последние наставления кошки. – Дружок, береги её и воспитывай, летом на даче проверим, чему ты её научил.

– Не волнуйтесь, Сестрёнки, – ворчал пёс. – Во всяком случае, след будет брать получше некоторых...

Потом, сидя на подоконнике, все трое смотрели вниз на удивительную процессию: Макарыч вёл на поводке Дружка. Малюся, лежа на спине Дружка, свесила лапы по обе стороны собачьего хребта. Все они обернулись и, подняв головы вверх, нашли взглядами Хозяина и Сестрёнок. Остановились. Макарыч ещё раз помахал силуэтам в окне, и троица двинулась дальше.

– Ну что, Сестрёнки, остались мы без Малюськи... – грустно произнёс Хозяин.

– Ничего, – промурлыкала в ответ Старшая, – это же только до лета. А лето придёт быстрее, если всю зиму долго и упорно спать.

– Для этого нужен талант, – улыбнулся Хозяин.

– Не талант, а сила воли! – возразила Младшая, и все засмеялись.

Мотя

Автомобиль, сверкая хромированными деталями, остановился у края дороги. Открылась пассажирская дверь, и на обочину полетел серый комочек. Дверь захлопнулась, и автомобиль, набирая скорость, умчался.

Серый комочек оказался маленьким котёнком. Проводив взглядом уехавшее авто, он некоторое время сидел на обочине, дрожа и испуганно озираясь на проносящиеся машины. Потом скрылся в высокой придорожной траве, прихваченной первыми заморозками.

Сутки прошли без сна. Сидя в траве, котёнок вжимался в землю и испуганно смотрел на огромные, железные чудовища, снующие по трассе. Холод пробирал до костей, животик ныл и требовал пищи, но главное – было ужасно холодно. Как согреться? Где?

Рядом остановился автомобиль. Почувствовав живительное тепло, малыш скользнул под машину. Ближе, ближе к теплу, вот сюда, повыше. Хорошо... Окоченевшие лапки отошли не сразу, а тепло медленно остывающего двигателя убаюкивало настрадавшееся за ночь тельце. Малыш прикрыл глаза и блаженно задремал. И вдруг все вокруг затряслось, зарычало...

«Что это? Почему? Мама! Ма-а-а-ма-а-а!!!»

...Михалыч выехал за ворота пункта технического осмотра и, зло чертыхнувшись, повернул на трассу. «Дворники» смахивали с лобового стекла мелкие крупинки первого снега. Двигатель тяжело набирал обороты, а Михалыч, покручивая баранку, думал, как быть дальше. Старенькая «шестёрка», рождённая в цехах АвтоВАЗа во времена заката СССР, впервые за свою жизнь не прошла техосмотр, и хозяину дали понять, что уже и не пройдет.

Знал же, знал, что этим все закончится, но понадеялся на счастливый исход – ведь случается же у людей. «Так то – у людей! – усмехнулся невесёлым мыслям Михалыч. – А я-то куда со своей невезухой по жизни полез?»

Насчет невезухи он, безусловно, преувеличивал и сам это понимал, но не мог смириться с тем, что верная «шестёрка» встанет на прикол надолго. Может – и навсегда. Ещё до техосмотра он прикинул, во что обойдется ремонт до приемлемого состояния: цифра раза в два превосходила стоимость самой «шестёрки». Для пары пенсионеров – расходы неподъёмные. И хоть старался он содержать автомобиль в полном порядке, своими руками перебирал двигатель и ходовую, но время – неумолимо. Да и нечего грешить: цифры пробега отсчитывали уже пятый круг.

Домой возвращаться не хотелось. Он знал, что у ворот его встретит супруга, будет успокаивать и убеждать, что машина им давно ни к чему, а самому пора уже и пожить спокойно: «Пятый год на пенсии, а все не угомонишься!» Но Михалыч, всю жизнь отработавший водителем, выйдя на пенсию, подрабатывал в такси, и ему это нравилось. Он уже и представить себе не мог, как это – жить без баранки? Клиенты в старенькую «шестёрку» садились неохотно, но поездкой оставались довольны: чистенький салон, аккуратная езда, всегда вежливо и в срок! Опять же – лишняя копейка в дом. Хотя когда они были лишними? Доходы, если честно, едва покрывали расходы на машину, но на то, чтобы побаловать любимую внученьку, хватало.

До частного сектора, где стоял его дом, ехать по трассе километров пять. На обочинах в лужах кое-где уже серебрился молодой ледок. Михалыч аккуратно вёл машину по крайней правой полосе, не обращая внимания на сверкающие иномарки, проносящиеся в попутном направлении.

– Спешат, торопятся. Дел у всех много стало. Остановиться, осмотреться – некогда! – ворчал он под нос, стараясь не вспоминать, что и сам в молодости не терпел праздности и сына учил тому же.

Сыну уже под сорок, рукастый мужик получился. В семье – лад и любовь, что радовало и успокаивало родителей. Просить сына о помощи деньгами ни у Михалыча, ни у жены его не

было даже в мыслях. «Сами ещё крепкие, живём не хуже других. Супругу с внученькой золо-
товоглазой да зеленоглазой привозил бы почаще, помог бы забор поправить, крышу починить,
да и просто побыл денёк-другой со стариками – вот и все желания родителей!»

«Да. Остановиться, осмотреться некогда», – вспомнил он свои мысли и вдруг увидел, что
берёзки, росшие по обе стороны дороги, машут ему ветвями с остатками жёлтых листьев:

«Остановись, Михалыч, ступай к нам, а то ведь и жизнь пройдёт в заботах, вспомнишь
нас, да поздно...»

«А почему бы и нет?» – решил Михалыч. Свернул на обочину, остановил «шестёрку»,
заглушил двигатель. Хлопнув дверцей, посмотрел на дорогу – в одну сторону, потом в другую.
«Вот и заканчивается моя шофёрская жизнь», – промелькнуло в голове, и Михалыч, грустно
сутулясь, двинулся по тропинке, ведущей в лес. Не спеша закурил, пошёл, похрустывая ледком
под ногами. Возле деревьев остановился, вороша ногой опавшие листья и вдыхая прелый их
запах. Да. Уже и не упомнишь, когда бродил вот так-то, без дела и заботы. Настроение не улуч-
шилось, но стало как-то спокойней. Возвращался к машине так же не спеша и всё оглядывался
на берёзки. Как странник оглядывается на родной дом, отправляясь в далёкий путь.

Двигатель ещё не остыл и запустился легко. Но чуткий слух водителя уловил новую нотку
в его работе. «Что за беда? Ремень генератора ослаб, проскальзывает?» – подумалось ему.
Заглушил двигатель, но посторонний звук не пропал. То ли свист, то ли писк... Но двигатель-то
заглушен! «Так. Приехал! – пронеслось в голове Михалыча. – Не хватало ещё умом тронуться
на старости лет!»

Посторонний звук пропал.

Михалыч хотел вновь повернуть ключ зажигания, но решил прежде осмотреть двигатель.

– Да мало мне, что ли, проблем?! – чуть не закричал он в сердцах, рванул рычаг замка
капота и вышел из машины, от души хлопнув дверцей.

Подняв капот, первым делом потянул ремень генератора – всё оказалось в порядке.
Перейдя на другую сторону, заглянул внутрь... И замер! На масляном фильтре сидел котёнок
и глядел на него невероятно большими, округлившимися от ужаса глазами. Глаза Михалыча
стали не менее круглыми.

– Это ж... Это ж как тебя угораздило? – севшим вдруг голосом просипел Михалыч. –
Откуда ж ты взялось, чудо хвостатое?

– Миу! – тоненько пискнул котенок, не отводя от него огромных, зелёных глаз, и Миха-
лыч почувствовал, что от взгляда этого маленького, беззащитного существа вдруг растаяло
остервенение, да так, что защемило сердце.

Он не считал себя сентиментальным, на бездомных животных всегда смотрел равно-
душно. Но и в жестокости к ним никто не мог его упрекнуть. Ну, живут и живут они рядом,
размножаются, снуют по своим делам, ищут себе пропитание и кров. Ему-то какое дело? У него
свои заботы, поважнее. Но сейчас почему-то он почувствовал всю глубину отчаяния, безна-
дёжности положения маленького серого комочка, чуть не погибшего то ли по собственной глу-
пости, то ли по недосмотру Михалыча. Свои проблемы показались ему теперь мелким недо-
разумением по сравнению с проблемами этого котёнка. Захотелось успокоить его, приласкать,
дать надежду.

– Да ладно, ладно, всё будет нормально! – то ли котенку, то ли себе ворчливым тоном
гудел Михалыч, осторожно освобождая малыша из машинного плена. Захлопнув капот, он
перебрался вместе с найдёнышем в салон «шестёрки» и внимательно разглядел находку.

Ну, шпротина и шпротина. Таких за свою жизнь он перевидал сотни и до сих пор не
обращал на них никакого внимания. Шерсть – клочками, местами испачкана моторным мас-
лом. Ну, как есть – беспризорник! Сидит вот, дрожит. То ль с испугу, то ль намёрзся за свою
недолгую жизнь.

– Сейчас. Сейчас согреешься, – Михалыч запустил-таки двигатель.

Салон прогрелся в считанные минуты. Котёнок дрожать перестал, но продолжал смотреть на Михалыча с испугом и недоверием, хотя и спрятаться под сиденье попыток не предпринимал.

Пытаясь успокоить малыша, Михалыч провёл по худенькой спинке огромной своей ладонью. Тот прикрыл глаза, почувствовав доверие к этому большому, уже не страшному человеку, вдруг громко замурлыкал и полез на колени.

– Ну что ты, что ты... – продолжая поглаживать котёнка, ласково приговаривал Михалыч и чувствовал, как в груди разливается непривычное тепло, а глаза увлажняются.

Он как будто вернулся в детство, когда ребёнком вот так же ласкал любимого кота Ваську и чувствовал ответную любовь маленького своего друга.

– Миу! – не прерывая мурлыканья, пропищал с его колен котёнок и, прищурив глаза, потёрся о руку Михалыча.

– Вот тебе и «Миу!» – хохотнул Михалыч. – Связался чёрт с младенцем! Как хоть тебя звать-то, пассажир неожиданный? Урчишь, как мотор. Будешь Моторчиком? Хотя что же это за имя для кота? Мотя. Мотя и есть! Согласен?

– Согласен, согласен. А кушать дашь? – промурлыкал с подмявом новоявленный Мотя.

– Кушать тебе хозяйка даст. Ну да ладно, давай трогаться, до дому ещё доехать надо! – Михалыч включил передачу и, аккуратно выехав на дорогу, покотил в сторону дома.

Автомобили так же пронеслись, обгоняя его.

– Спешат, спешат люди, – гудел Михалыч уже без раздражения. – Пусть спешат. А нам с тобой торопиться некуда. – Одной рукой он держал баранку, а другой продолжал наглаживать малыша.

– Вер-р-но, вер-р-но, – соглашался найдёныш, уютно устроившийся на коленях, и доверчиво смотрел в глаза человеку.

Съехав с трассы, Михалыч подрулил к стоящему на краю улицы дому. Здесь дорога заканчивалась.

– Ну, вот и приехали, Мотя! – Михалыч аккуратно взял котёнка и, прижимая его к груди, осторожно вылез из «шестёрки».

Супруга, которая ждала его у ворот, с улыбкой смотрела, как муж, не закрыв распахнутой двери машины, бережно, словно великую драгоценность, несёт в руках маленького, серого котёнка с большими зелёными глазами.

В сто раз вкусней!

Утренняя прохлада ещё не перетекла в дневной зной, и компания закадычных друзей наслаждалась лёгким ветерком, приносящим массу летних запахов и приятно ласкающим уса-тые мордашки.

Хозяин уже выехал на службу. Сестрёнки, Дружок и Малюся по давней традиции расположились в тени яблони на грядке с петрушкой.

Почти годовалая Малюся из мелкого котёнка превратилась в красавицу-кошку, но характер её разительно отличался от характеров Сестрёнок. Воспитанная Дружком и не признающая более никаких авторитетов, она старалась во всем подражать ему и не отлучалась от него ни на шаг. Вот и сейчас, глядя на Дружка, вывалившего язык набок, она потешно пыталась проделать то же самое, но Малюсин язычок никак не хотел свисать так же свободно.

Младшая, глядя на эту уморительную сцену, улыбалась в лапу, а Старшая по обыкновению, томным взглядом посматривая на неразлучную парочку, пыталась завести светскую беседу:

– Скажи, Дружище, почему вы, собаки, так ненавидите нас, кошек?

– Ну... – Дружок склонил большую голову набок, подумал минутку. – Вот конкретно вас я люблю. А в общем – да, других как-то не очень...

– Почему? – Младшая сделала вид, что обиделась.

– Племя ваше – воровское! – уверенно заявил пёс. – А я всю жизнь боролся с преступным элементом, и потому мне это не по душе.

– Что за намёки? – возмутилась Старшая. – Сестрёнка, мне кажется, на нас хотят повесить все грехи мира. Пойдём-ка подальше от этой полицейской морды и не вернёмся, пока не услышим извинений!

Сестрёнки поднялись и, глубоко оскорблённые за весь кошачий род и за себя в частности, нервно подрагивая хвостами, отправились в домик – заедать негодование и бушующий стресс.

Зайдя в домик, они направились было к мискам с кормом... И тут – упс! Кошки резко остановились, распушив хвосты до беличьего состояния. Возле мисок сидел довольно упитанный незнакомый рыжий кот и вылизывал остатки влажного корма из последней миски. Он скользнул взглядом по вошедшим и продолжил свое дело, не обращая на них никакого внимания. Закончив, он с удовольствием облизнулся раз, другой и, наконец, уставился на Сестрёнок наглыми жёлтыми глазами.

– Это... Это что такое?! – опомнившись, возмутилась Старшая. – Ты вообще кто? Тебя как зовут?

– Чубайс, – мурлыкнула рыжая морда, без тени стеснения разглядывая хозяйек.

– Тебя что, Чубайс, дома не кормят? – Младшая выпускала и снова прятала когти, будто разминала лапы перед боем.

– Кормят, – сыто мурлыкнул рыжий. – Ещё как кормят! Но это – дома. А добыть на стороне или украсть – это же в сто раз вкуснее, чем лопать из собственной миски.

– Ах ты, рыжая скотина! – возмутилась Старшая. – Сейчас мы тебе покажем «в сто раз вкуснее»! – И, забыв недавнюю обиду, истошно заверещала: – Дружок! Дружо-о-ок!!!

Чубайс ловко прошмыгнул в полуоткрытую дверь и присел у калитки, насмешливо поглядывая на Сестрёнок и на приближающихся лёгкой трусцой Дружка с Малюсей. При этом Малюся старательно пыталась изобразить пружинящий бег своего воспитателя.

– Что тут у вас? – Дружок обеспокоенно посмотрел на Сестрёнок и, проследив направления их взглядов, увидел рыжего. – Ух ты! Старый знакомый! А ну-ка, стоять, не двигаться, воруга!

– Ага, сейчас... – нагло ухмыльнулся кот. – Счастливо оставаться! А это вам на долгую память! – Развернувшись задом к домику, он задрал хвост и обильно пометил угол, после чего с разбега перемахнул через ограду и стреканул вдоль улицы.

– Сволочь! Ну и сволочь! – Дружок жмурился и отчаянно чихал от проникающего везде едкого запаха. – Всё равно ты мне попадешься, вот тогда не обижайся! Я тебя так помечу, что хозяева домой не пустят!

– Сволочь... – Малюся старательно пробовала на вкус новое для неё слово.

Через некоторое время незаметно помирившиеся друзья вновь грели бока в тени яблони и слушали повествование Дружка о проделках и каверзах недавнего незваного гостя. Они уже готовы были согласиться с полицейским псом в том, что не все кошки – лапочки, а уж коты – однозначно! Младшая слушала Дружка, а в ушастой голове неотвязно сидела мысль, не дававшая ей покоя: «В сто раз вкуснее! А вдруг и впрямь?»

Хозяин в этот день вернулся раньше обычного. В честь дня рождения руководство, поздравив его, позволило с обеда отбыть домой – до понедельника, учитывая, что сегодня была пятница. По пути Хозяин заехал к Михалычу, живущему в пригородном посёлке рядом с дачными участками.

Михалыч бросил таксовать и теперь был занят доставкой дачникам (к обоюдной выгоде!) вкуснейшей молочной продукции собственного производства. Развозил он её на старенькой «шестёрке», а сопровождал его в коротких поездках любимец и напарник – молоденький кот Мотя.

Хозяин заранее договорился с Михалычем о покупке свежей мясной вырезки, которую бывший таксист охладил в леднике, не замораживая. Заодно уладил вопрос о постоянных поставках свежего молока. И пригласил Михалыча с супругой к себе на участок, ближе к вечеру – отметить свой праздник. Супруга отказалась: дела, хозяйство. А Михалычу мило-стиво разрешила закончить дела пораньше и отдохнуть в компании с мужиками.

– И я? – подал голос Мотя, вопросительно глядя на Хозяина.

– И ты тоже. Обязательно приходи! – засмеялся Хозяин, поняв недоговоренный вопрос Моти. – Тебе там точно скучно не будет.

На дачной кухне мужики разделявали мясо в предвкушении вечернего шашлыка с красным вином и под гитару. Макарыч – хозяин Дружка, а теперь еще и Малюськи – увлечённо расписывал рецепт маринада:

– Два часа – и готово! На Кавказе научили. Помнишь, Дружок?

Отрезали по кусочку каждому хвосту, разложили по мискам. Сестрёнки, обнюхав причитающиеся им порции, отошли, дёрнув хвостами. Дружок и Малюська чинно сидели рядом с мисками и смотрели на Макарыча влюблёнными глазами.

– Можно! – скомандовал Макарыч, и они с удовольствием кинулись к мискам.

– Деспотизм и рабство! – проворчала Старшая, глядя на их «слепое повиновение».

И тут вдруг заметила, как Младшая, воспользовавшись общей суетой, неуловимым движением закогтила кусочек мяса со стола и скользнула с ним за дверь. Выскочив вслед за сестрой, Старшая с изумлением смотрела, как та с удовольствием уминает добытый нечестным путём кусочек и урчит от удовольствия.

– Точно! – закончив трапезу, промурлыкала Младшая. – В сто раз вкуснее! Пойдём еще стянем, а?

Зайдя на кухню, они сели и как ни в чем ни бывало принялись осматривать стены, потолок, окно. Улучшив момент, обе одновременно стянули по кусочку, которые очень удобно лежали на самом краю стола, и прошмыгнули на крыльцо. Такой фокус удался три или четыре раза, пока, наконец, до них не дошло, что Хозяин и Макарыч давятся от беззвучного смеха, раз за разом подкладывая им кусочки на край стола, а Дружок и Малюся с осуждением на них поглядывают.

– Смотри и запоминай, Малюся: так делать нельзя! – ворчал Дружок. – Говорил же я: племя ваше – воровитое! К тебе, Малюшенька, это не относится.

– Да ладно! – отмахивались хвостами пристыженные Сестрёнки. – Правильный какой нашёлся...

Поздним вечером на крыльце домика расположилась дружная компания из трёх пожилых мужчин, пса и четырёх потомков саблезубого тигра.

Мотя раз и навсегда был занесен Сестрёнками в список друзей. Дружок не возражал, Малюся тоже.

Под негромкий звон гитары довольные компанией мужчины вспоминали песни молодости, в промежутках освежались холодным грузинским вином с сочными кусками жареного мяса и свежей зеленыю. Не были забыты и хвостатые.

Младшая донимала Мотю мучающим её вопросом:

– Ну, Мотья, расскажи! Ты уже пробовал?

Мотя прятал глаза и отворачивался.

– Ну, Мотя!

– Отстань от него, сестрёнка, – Старшая поглядывала на Мотю, полуприкрыв глаза. – Не видишь, что ли? Он ещё невинный котик. Это мы с тобой докатились до грехопадения.

– Пробовал, – прошептал Мотя, бросив косой взгляд на своего Михалыча.

– А как? Расскажи! – Сестрёнки резво приподнялись с належающих мест и пересели поближе к Моте.

– В общем, так, – решился Мотя. – Однажды моя хозяйка забыла банку со сметаной на столе. Ну, и я... – Дальше он продолжал шепотом, а глаза Сестрёнок с каждым его словом всё больше разгорались озорным светом.

– Ну и зачем? – перебила Мотю Младшая. – Тебя же и раньше кормили свежей сметанкой, чего ты воровать-то полез?

– Да вы что?! – Мотя поглядел на Сестрёнок, как на несмышлёных котят, и даже закатил глаза от восторга. – Это же в сто раз вкусней!..

Летние проказы

Ранним утром, предварительно плотно позавтракав, Сестрёнки развалились под яблоней и погрузились в нирвану. Хозяин по причине выходного дня на службу не поехал и занялся какими-то абсолютно бессмысленными, на взгляд Сестрёнок, делами. Дружок и Малюся отправились с Макарычем на рыбалку, так что коротать время приходилось вдвоём.

Старшая, полуприкрыв глаза, внимательно наблюдала за кончиком своего хвостика, который перекидывала слева направо и обратно. Младшая тоже была заворожена этим действием. Наконец она прихлопнула лапой мельтешившую у неё перед мордой мишень и неуверенно произнесла:

– Может, займёмся чем-нибудь, сестрёнка? А то я чувствую, как в голове моей мозг высыхает.

– Давай, – согласилась Старшая, переворачиваясь на бок и сладко, с зевком потягиваясь. – Только чтоб лежа. Чем займёмся?

– Ну-у... – Младшая потёрла лапой за ухом, стимулируя мозговые извилины. – Можно потренировать дедукцию и логику.

– Это как? – лениво спросила Старшая.

– Берём неопровержимые факты. Предполагаем наиболее вероятное развитие событий и делаем правильный окончательный вывод! – отбарабанила Младшая где-то услышанную фразу и распушила усы от распиравшей её гордости.

– Ну-ну. Продемонстрируй. – Старшая слегка приподняла голову и приготовилась слушать.

– Например, Макарыч с Дружком и Малюсей ушли на рыбалку. Факт?

– Факт, – согласилась Старшая.

– Наиболее вероятное развитие событий выглядит так: Макарыч наловит рыбы. Согласна?

– Согласна, – вновь подтвердила Старшая.

– Теперь то, что Макарыч наловит рыбки, принимаем за факт и рассуждаем дальше: когда Макарыч принесёт улов домой, то он по доброте душевной угостит нас. Согласна?

– Иначе и быть не может, – кивнула Старшая. – Он же знает, как мы её любим.

– Делаем окончательный вывод: сегодня мы с тобой отведаем свежей рыбки!

– Рыбки мы в любом случае отведаем, – прижмурившись в предвкушении удовольствия, протянула Старшая. – Даже если Макарыч забудет нас угостить.

– Это как? – удивилась Младшая.

– А так! Пока ты будешь отвлекать Дружка, я залезу в садок и вытяну оттуда самого жирного карася! Макарыч, если увидит, только посмеётся, а Малюся ни за что не выдаст любимых тёток. Согласна?

– Согласна, – пришлось признать Младшей.

Но отвлекать Дружка ей как-то не очень хотелось.

– Тогда пойдём к ограде, чтоб не прозевать рыболовов, – поднялась Старшая. – Здесь уже солнышко припекает, а там тенёк образовался.

Рыболовов они увидели издалека и, загодя выйдя за калитку, уселись со скучающим видом, но так, чтобы их в любом случае заметили. Впереди шёл Макарыч с удочкой и рюкзаком за плечами, рядом с ним – Дружок с Малюсей на спине. Умаявшаяся Малюся дремала, уронив голову на холку Дружку и свесив лапки по обе стороны спины воспитателя. Макарыч, проходя мимо, поприветствовал Сестрёнок, а Дружок, ехидно улыбнувшись, проворчал:

– Обломитесь, Сестрёнки. Сегодня – ни одной поклевки! – И вслед за хозяином чинно проследовал за свою калитку.

– Покушали рыбки... – прошипела Старшая и, недовольно дёргая хвостом, двинулась в дом. – Логика! Дедукция! Тьфу!

Растянувшись у порога, она задремала в ожидании Михалыча и Моти, которые вот-вот должны были подъехать на старенькой «шестёрке» и привезти свежего молочка со своего подворья. Мотя – отъевшийся на домашних харчах кот, горячо любимый Михалычем, всегда сопровождал своего хозяина в коммерческих поездках и забегал на минутку поболтать с Сестрёнками. Разбудила её неугомонная Младшая.

– Ну? Чего тебе, логичная моя? – недовольно проворчала Старшая. – Опять дедуктивная идея с логично-безнадежным результатом?

– Нет! – Младшая аж дрожала от волнения. – Шантаж! На банку сливок!

– Это что-то новенькое! – Старшая заинтересованно присела. – Излагай.

Идея была проста до гениальности. Свежие сливки в округе водились только в доме Михалыча. Он держал приличное хозяйство и снабжал дачников молочной продукцией. Мотя не раз хвастался тем, что неоднократно пользовался невнимательностью хозяйки и прикладывался к заветной банке, благо Михалыч всячески прикрывал своего любимца. А ещё однажды, под большим секретом, Мотя рассказал Сестрёнкам, что по настоянию хозяйки Михалыч свозил его в клинику, где ему сделали совсем маленькую операцию. После этого его перестали интересовать вопросы продолжения рода. Однако, несмотря на это, в присутствии Малюси он начинал дышать неровно, отвечал невпопад и не сводил с неё глаз. В общем, демонстрировал все признаки влюбленности.

Связав воедино все эти обстоятельства, Сестрёнки разработали план шантажа, целью которого стала банка свежих сливок. Мотя, конечно, друг. Но банка сливок...

– А от Моти по мордасам не получим? – сомневалась Старшая.

– Это вряд ли. Он слабохарактерный, – уверенно сказала Младшая.

– Точно! Слабохарактерный! – поставила точку Старшая, подражая Косому из фильма «Джентльмены удачи».

Сестрёнки весело засмеялись, предвкушая успех задуманной авантюры.

К удивлению Сестрёнок, шантаж удался легко. От возмущения у Моти сначала покраснел нос, но, когда он услышал, что в противном случае Малюсе станет известно о его неполном мужском соответствии, сразу согласился на аферу.

– Точно не расскажете? – Он уже был не рад, что поделился с подружками своей бедой. – Тогда ближе к вечеру приходите. Я вас встречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.